

Ван Сюань шёл, то и дело оглядываясь по сторонам. Он всерьёз беспокоился, как бы Гоудань не затерялся в этой пёстрой суматохе и они не разминутись. Однако волнения оказались напрасными: его спутник, высокий и необычайно импозантный, стоял у проходной. Одетый с иголки в строгий костюм, он увлечённо беседовал о чём-то с пожилым охранником.

Снующие туда-сюда люди не могли затмить такую яркую фигуру. Напротив, прохожие то и дело оглядывались, невольно засматриваясь на статного молодого человека.

Ван Сюань протиснулся сквозь толпу и подошёл ближе. Гоудань обернулся и тут же расплылся в улыбке.

— Всё? Защитился?

— Ага, всё позади.

— Ну, дядя, договорились! — Гоудань на прощание пожал руку охраннику. — Мы пойдём. Всего доброго!

Похоже, задерживаться здесь он больше не желал ни секунды. Схватив Ван Сюаня за руку, он уверенно повёл его в сторону парковки.

— И о чём вы с ним толковали? — с любопытством спросил Ван Сюань.

— Да так, о жизни, о погоде. Не стоять же мне у ворот без дела, как памятнику. Глупо бы выглядело.

Ван Сюань согласно кивнул. Гоудань со своим богатырским ростом и впрямь привлекал слишком много внимания. Стой он в одиночестве у ворот института, бдительная охрана наверняка замучила бы его расспросами.

— Сегодня я отвезу тебя в одно отличное место. Чего бы тебе хотелось съесть?

— Я с самого утра ждал своей очереди, пока все защитятся. До меня дело дошло только к вечеру. Вымотался смертельно, даже думать о еде не могу.

— Вот как раз когда сил нет, есть надо обязательно, — мягко возразил Гоудань. — Иначе откуда энергии взяться? На, держи, перекуси пока фруктами. Специально выбрал спелые манго, их только-только привезли из Южных регионов. Заморишь червячка, взбодрись, глядишь, и аппетит проснётся.

Он вытащил из-под сиденья небольшую картонную коробку и достал оттуда крупный, золотисто-жёлтый плод, от которого исходил чудесный аромат.

— Пахнет восхитительно, — Ван Сюань прикрыл глаза от удовольствия. — Наша фабрика теперь и южные фрукты закупает?

— Да, это у нас новинка. Решили запустить линию фруктовых консервов. Нам выделили под это дело немного средств. Денег, конечно, в обрез, но если удастся наладить выпуск нового продукта, будет отличный задел на будущее.

— Кстати, а как дела с торговым центром «Голубое небо», который вы строите вместе с группой «Голубой щит»? Сдача объекта уже скоро? Как только они откроются, сразу пойдёт прибыль.

— До этого ещё дожить надо, — усмехнулся Гоудань. — Если бы всем заправлял я, мы бы уже давно ленточку перерезали. Но в этих гигантских корпорациях вечно разводят бюрократию и интриги. Каждый норовит подставить коллегу да выслужиться перед начальством. Вот увидишь, дело застопорится, генеральный директор Янь Хуайцянь устроит им всем показательную порку, и только тогда они зашевелятся.

— И ты спокойно на это смотришь? Мы ведь тоже вложили туда кучу денег. Что, если прогорим?

— Свою долю я уже внёс, а за чужую глупость и медлительность платить не намерен. В договоре всё прописано до последней запятой. Они думают, если у них есть штат юристов, то они самые хитрые? Я ради этого дела все своды законов и нормативные акты до дыр зачитал. Так что пускать свои деньги на ветер ради их лени я не стану. В крайнем случае «Голубому щиту» придётся самому разгрести этот бардак.

Проект был слишком масштабным, и партнёры при всём желании не могли бросить его на полпути.

— Стоит Янь Хуайцяню почуять, что запахло убытками, он мигом наведёт порядок железной рукой. Кому-то из тамошних директоров nepоздоровится, но тут уж сами виноваты — против хозяина компании никто вякнуть не посмеет.

— Какой же ты всё-таки вредный, — покачал головой Ван Сюань, не сдержав улыбки.

— Ха-ха-ха! С кем угодно, только не с тобой, — рассмеялся Гоудань и, согнув указательный палец, нежно провёл костяшкой по его щеке.

Ван Сюань легонько ущипнул его за руку:

— Тише ты...

И выразительно посмотрел на водителя. Однако тот сидел прямо и невозмутимо, полностью сосредоточившись на дороге. Ему не было никакого дела до того, о чём воркует шеф на заднем сиденье.

Гоудань своим водителем дорожил. Этот мужчина был из бывших военных. Сейчас времена изменились: раньше демобилизованным солдатам государство гарантированно предоставляло работу, а теперь большинство увольнялось в запас с небольшим пособием и возвращалось в родные края, выкручиваясь самостоятельно. Место личного шофёра у успешного

предпринимателя считалось для них огромной удачей.

В стране полным ходом шло сокращение армии. Войны закончились, содержать раздутый штат военнослужащих государству стало не по карману — оборонный бюджет трещал по швам. Часть личного состава переводили на гражданские специальности, остальных отправляли на пенсию или списывали в запас. Сэкономленные средства перераспределяли на научные разработки и покупку современного вооружения.

Высшее руководство вещало патриотические лозунги: мол, где бы вы ни трудились, всё на благо Родины. Служба в армии — долг отчизне, но и возвращение к мирному труду в эпоху реформ — тоже важная миссия. Просто теперь отдавать долг стране нужно на экономическом фронте, поднимая производство и развивая рынок.

Те, у кого имелась деловая хватка и начальный капитал, уходили в бизнес или устраивались по старым связям на тёплые места. Остальным приходилось рассчитывать лишь на собственную силу да выносливость — крутиться как умеешь, лишь бы прокормить семью.

За неспешной беседой Ван Сюань умял два манго и окончательно расслабился. Он завёл речь о планах на будущее:

— Наставник настаивает, чтобы я оставался в столице. Благодаря хорошим оценкам меня уже пригласили на работу в одну из ведущих столичных клиник. Наверное, так даже лучше. А то если бы я вернулся к нам в провинцию, а ты остался развивать бизнес здесь, мы бы оказались слишком далеко друг от друга.

— Глупости. Куда бы ты ни поехал, я бы перенёс свой бизнес вслед за тобой, — мягко возразил Гоудань.

Легко сказать! Здесь, в столице, он с таким трудом наладил связи и встал на ноги. Снова всё бросить, уехать и начинать с нуля? Неизвестно ещё, как сложатся обстоятельства на новом месте. Столица — огромный мегаполис, деловой центр страны с неисчерпаемым рынком. Вести дела нужно именно там, где кипит жизнь.

— Но как же традиционная клиника, где ты сейчас принимаешь? — спросил Гоудань. — Да, место для практики тебе дали из уважения к мастеру Циню, но ведь сейчас к тебе выстраиваются очереди из пациентов. Ты заработал отличную репутацию. Не навредит ли твоей карьере такой резкий уход?

— Сначала я хотел совмещать: два дня принимать в традиционной лечебнице, а три дня отрабатывать в клинике западной медицины. Но, боюсь, сидеть на двух стульях не получится. Рано или поздно придётся выбрать что-то одно.

— А сколько лет стажа по закону требуется в вашей сфере, чтобы открыть частный кабинет или собственную клинику? Там ведь есть строгие условия?

— Ещё какие, — заулыбался Ван Сюань. — Так что твоя идея построить для меня личную больницу пока пусть полежит на полке. Дай мне сначала набраться опыта, понять, как устроен менеджмент в крупном медицинском учреждении, обзавестись связями. А там видно будет.

— Договорились. Мы ещё молоды, времени впереди предостаточно, — Гоудань приобнял его за плечи, увлекая к себе, и они поехали дальше, тихо наслаждаясь близостью.

Летний зной висел над городом тяжёлым маревом, поэтому они решили не мудрить и заехали в небольшое, но очень уютное заведение, славившееся отменной домашней кухней. Гоудань, Ван Сюань и их водитель заняли столик и заказали целую гору еды. На столе красовались любимые блюда Ван Сюаня, а главным украшением ужина стала огромная тарелка сочных отварных креветок. Ван Сюань ел с огромным удовольствием.

— Знал, что тебе понравится, — улыбнулся Гоудань. — Говорят, осенью в приморских областях начинается самый разгар сезона морепродуктов. Вот выберем время, съездим на побережье отдохнуть. Будем объедаться рыбой и ракушками, пока поперёк горла не полезут, и только тогда вернёмся.

— Отличная мысль! Давай вырвемся перед Праздником середины осени. Мы ведь уже сто лет не праздновали его вместе с дядей? Представь: свежие креветки, нежная паровая рыба, крабы... М-м-м, слюнки текут!

— Как пожелаешь, так и сделаем.

Гоудань прекрасно помнил эту слабость Ван Сюаня. Ещё в детстве, когда они жили в деревне, мальчишка ухитрялся вылавливать в илистых болотцах и мелких ручьях крошечных рыбёшек и диких креветок. Ван Сюань варил их в щербатом котелке без капли масла и соли — варево выходило мутным, с резким речным запахом, но он уплетал его за обе щёки и выпивал бульон до последней капли.

Тогда Гоудань списывал всё на банальный голод — мол, когда брюхо сводит, выбирать не приходится, да и сам он уплетал ту уху за милую душу. Лишь много лет спустя он понял: Ван Сюань действительно обожал рыбу и морепродукты во всех видах.

Сам Гоудань к рыбе относился спокойнее, предпочитая сытную мясную пищу: сочную курятину, утку, говядину или баранину. А возиться с тонкими костями или раскалывать панцири крабов казалось ему делом занудным — толком не наешься, да и вкус казался слишком деликатным, пресным.

Раз Ван Сюань хотел морепродуктов, значит, будут морепродукты. Впрочем, против крупных креветок Гоудань ничего не имел: он просто отрывал им головы и с хрустом пережёвывал целиком, даже не думая счищать панцирь.

Глядя, как Гоудань отправляет в рот креветку за креветкой и звучно ими хрустит, Ван Сюань

не выдержал и покатился со смеху:

— Гоудань, ну у тебя и зубы! Настоящие жернова. Говорят, конечно, что в панцирях много кальция и они полезны для костей, но кроме тебя так есть никто не додумается!

— Какого ещё кальция? Я же не дряхлый старик с остеопорозом, — отмахнулся Гоудань.

За годы жизни с медиком он волей-неволей нахватался заумных терминов. Врачи вечно во всём искали скрытую угрозу: то вредно, это бесполезно. Обычному человеку в их присутствии и вздохнуть страшно — любое действие подрывает хрупкое здоровье.

Ван Сюань регулярно читал ему нотации по поводу правильного питания, так что Гоудань теперь без труда жонглировал медицинскими понятиями.

После сытного ужина они не стали сразу возвращаться домой, а решили прогуляться по тенистым аллеям ближайшего парка, чтобы растряссти съеденное.

Днём из-за удушающей жары на улицах было безлюдно — горожане без крайней нужды носа из квартир не показывали. Но стоило сумеркам опуститься на город и спрятаться палящему солнцу, как аллеи мгновенно заполнились гуляющими, хотя воздух всё ещё оставался тёплым и душным.

В парке царило весёлое оживление. Старики чинно сидели кучками на скамейках, неторопливо обмахиваясь веерами и отгоняя назойливую вечернюю мошкарку. Женщины вывели на прогулку притихших за день ребятишек. Малышня с радостными криками носилась по дорожкам, поднимая пыль и пачкая одежду. Родители на это внимания не обращали — всё равно перед сном купать, зато набегаются, остынут под ночным ветерком и уснут без задних ног.

— У нас в деревне сейчас, небось, такая же картина, — негромко произнёс Ван Сюань, глядя на резвящуюся детвору.

Вспомнилось собственное детство. У тех ребят, чьи матери были поаккуратнее, день заканчивался обязательным мытьём ног или быстрым купанием в корыте.

В семьях попроще с этим не церемонились: перед тем как забраться на кан, пацаны просто тёрли пятку об пятку, сбивая налипшую грязь, и заваливались спать.

Да и как тут уследишь? Мальчишки целыми днями бегали босиком. Даже если отмоешь сорванца до блеска, вечером он всё равно удерёт на улицу играть при луне в прятки. Миг — и он снова по пояс в пыли и поту, так что все труды насмарку. А когда ребёнок заползал в дом и мгновенно засыпал от усталости, будить его ради мытья никто не решался, боясь простудить его под ночным сквозняком. Так и спали чумазами.

— Да в те годы просто условий не было, чтобы чистоту наводить, — согласился Гоудань. — Мой

отец радовался уже тому, что я сыт, здоров и не подцепил какую-нибудь заразу. О чистоте и речи не шло. Да он и сам, бывало, после тяжёлой работы на поле заползал на кан немывтым. Главное — лечь и уснуть, остальное неважно.

— Ещё бы! — рассмеялся Ван Сюань. — Помню, когда я только переехал к вам, ты точно так же спал. Лицо чумазое, ноги серые... Летом ещё ладно, а зимой — умора! Заползёшь, бывало, замёрзший на кан и дрыхнешь без задних ног, раскинувшись звёздочкой, а на пятках земля засохшая коркой висит.

— То ли дело ты — с самого детства чистюлей рос. Неудивительно, что в итоге на врача выучился. У вас, медиков, у каждого второго пунктик на гигиене, да?

— Когда понимаешь, сколько невидимой глазу заразы и бактерий нас окружает, невольно становишься бдительным, — мягко возразил Ван Сюань. — Каждый день имеешь дело с больными людьми. Чуть зазеваешься, не вымоешь руки — и можешь занести пациенту инфекцию. Меньше знаешь — крепче спишь, а когда понимаешь все риски, рука сама тянется к мылу.

— Да тебе только волю дай, ты бы из ванны с медицинским спиртом не вылезал, — поддразнил его Гоудань.

Ван Сюань весело расхохотался. Конечно, Гоудань преувеличивал, но доля правды в этом была — профессиональная деформация у врачей вырабатывается быстро.

В своё время, когда выпускался Гоудань, Ван Сюань извёл на него не одну катушку плёнки. Потом они фотографировались на выпуске Ван Сюаня из университета. Теперь же, когда тот окончил магистратуру, упустить такой исторический момент было совершенно невозможно.

Выпускная мантия магистра заметно отличалась от той, что Ван Сюань надевал на бакалавриате. Руководство их института расщедрилось и сшило для каждого выпускника индивидуальный комплект, чтобы общая фотография курса выглядела солидно и торжественно.

— На нашем потоке всего чуть больше двадцати человек, — делился Ван Сюань. — А если считать вместе со всеми преподавателями, и тридцати не наберётся.

Оно и неудивительно. В те годы на медицинском факультете в магистратуру шли единицы. Большинство студентов после бакалавриата с радостью принимали государственное распределение, устраивались в больницы или поликлиники и начинали получать стабильную зарплату. Мало кто хотел тратить ещё несколько лет на научную работу, сдавать сложные экзамены ради степени магистра или доктора наук.

Как только официальная часть завершилась и общие кадры были сделаны, Гоудань взял фотоаппарат и принялся ловить в объектив неофициальные моменты: Ван Сюаня с

однокурсниками, весёлые группки выпускников. Однокашники Ван Сюаня давно заметили его импозантного спутника. Хотя сам Ван Сюань никогда не хвастался достатком и держался скромно, по его качественной одежде и дорогим вещам все понимали — этот парень из очень состоятельной семьи, а его названный старший брат успешно крутит крупным бизнесом.

Благодаря мягкому и открытому характеру Ван Сюаня любили все без исключения. К тому же он оказался самым младшим на курсе. Многие из его одноклассников были зрелыми людьми за тридцать или сорок, успевшими годами поработать на производстве и вернувшимися за парту ради повышения квалификации.

Эти опытные специалисты прекрасно разбирались в житейской мудрости и тонкостях человеческих отношений. Они проявили к Гоуданю исключительное радушие, охотно вовлекая его в свои разговоры и дружеские снимки. В конце концов, старая истина гласила: «Лишнее знакомство — новая дорога, а связь с влиятельным человеком — прямой путь к успеху».

<http://bllate.org/book/19654/1996851>